
**ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ**

**РИМСКИЙ СТАТУТ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА:
КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**© 2009 г. О. Н. Ведерникова¹

В 1998 г. на Дипломатической конференции в Риме 120 государств – членов ООН заключили договор для учреждения впервые в истории постоянного Международного уголовного суда. Этот договор получил известность как *Римский статут Международного уголовного суда*, который учредил новый универсальный орган международной уголовной юстиции – *Международный уголовный суд* (далее – МУС). Статут вступил в силу 1 июля 2002 г., после того, как его ратифицировали 60 государств, а сам МУС приступил к практической работе в 2005 г. после избрания в 2003 г. судей, Председателя и Прокурора суда, укомплектования его аппарата и принятия документов, более подробно регулирующих деятельность данного органа.

Россия пока не принимает участия в работе МУС, поскольку, подписав в 2000 г. Римский статут, еще не ратифицировала его. В этой связи весьма актуальным является анализ правовых принципов и норм, лежащих в основе деятельности Международного уголовного суда, способный дать ответ на вопрос о том, существует ли практическая необходимость и надлежащие правовые возможности для ратификации указанного документа, и следует ли нашей стране принимать участие в работе данного международного органа.

В соответствии со Статутом МУС обладает юрисдикцией в отношении следующих преступлений: агрессия, геноцид, военные преступления и преступления против человечности. Принятие Статута МУС явилось попыткой создания универсального механизма международной уголовной юстиции, призванного заменить существующую практику международных трибуналов *ad hoc*, создаваемых для привлечения к ответственности виновных в тяжких международных преступлениях в отдельных странах и регионах. В качестве примера следует назвать знаменитые Нюрнбергский и Токийский международные военные трибуналы, созданные в середине 40-х годов XX в. для суда и наказания военных преступников периода Второй мировой войны, а также Международные трибуналы по бывшей Югославии и Руанде, предназначенные для привлечения к ответственности лиц, виновных в совершении тяжких преступлений про-

тив человечности в 90-е годы XX в. на территории этих стран. В отличие от трибуналов *ad hoc*, новый Международный уголовный суд имеет более широкую юрисдикцию, поскольку распространяется на лиц, проживающих или находящихся на территории любого государства-участника статута, что придает ему универсальный характер.

Согласно Статуту МУС состоит из следующих органов: а) Президиум; б) Апелляционное отделение, Судебное отделение и Отделение предварительного производства; с) Канцелярия прокурора; d) Секретариат. По состоянию на июнь 2008 г. аппарат МУС насчитывал 560 человек.

Суд состоит из 18 судей, включая Председателя суда и двух его заместителей. Судьи выбираются Ассамблеей государств – участников статута из числа кандидатур, которые могут выдвигаться каждым государством – участником, при условии их соответствия требованиям, предъявляемым к личным и профессиональным качествам судьи (ст. 36). Среди этих требований, в частности, указана необходимость “в совершенстве знать, по меньшей мере, один из рабочих языков Суда и свободно говорить на нем”. Рабочими языками суда являются английский и французский. Судьи занимают свою должность в течение девяти лет и не имеют права на переизбрание (при первых выборах установлен особый порядок избрания судей). В настоящее время Председателем МУС является канадский юрист и дипломат Филипп Кирш, его заместителями избраны граждане Ганы и Боливии, а среди членов суда наиболее широко представлены юристы из европейских стран, включая Францию, Германию, Ирландию, Великобританию, Финляндию, Кипр, Италию, Болгарию, Латвию. Кроме того, в состав суда входят представители Африки (Мали, Южно-Африканская республика), Восточной Азии (Республика Корея), Центральной и Южной Америки (Коста-Рика, Бразилия, Тринидад и Тобаго). Местопробывание Суда – Гаага (Нидерланды).

Канцелярия прокурора действует независимо как отдельный орган Суда. Она отвечает за получение передаваемых ситуаций и любой обоснованной информации о преступлениях, подпадающих под юрисдикцию Суда, за их изучение и осуществление расследований и уголовного преследования в Суда. Канцелярия возглавляется прокурором. В

¹ Профессор кафедры уголовного права и криминологии Российской правовой академии Министерства юстиции РФ, доктор юридических наук.

настоящее время Прокурором МУС является Луис Морено Окампо (Аргентина), избранный на эту должность в 2003 г. на срок в девять лет.

Когда государство ратифицирует Статут, оно соглашается признавать юрисдикцию Суда в отношении преступлений, перечисленных в нем. Суд может осуществлять свою юрисдикцию при наличии одного из следующих условий: одной или несколькими сторонами дела являются государства-участники; обвиняемый – гражданин государства-участника; преступление совершено на территории государства-участника; или государство, которое не стало участником Статута, решило признать юрисдикцию Суда в отношении конкретного преступления, совершенного на его территории или его гражданином. Прежде чем суд начнет свою деятельность, необходимо, чтобы материалы дела, обозначаемые в статуте как “ситуация”, были переданы прокурору государством-участником или Советом Безопасности, действующим на основании гл. VII Устава ООН, либо прокурор начал расследование в отношении такого преступления самостоятельно, в соответствии со ст. 15 Статута. Так, в настоящее время МУС расследует преступления, совершенные на территории нескольких африканских государств. При этом три государства-участника статута, а именно, Уганда, Демократическая Республика Конго и Центрально-Африканская Республика сами передали “ситуацию” в своих странах для расследования в данном суде. Кроме того, в 2005 г. Совет Безопасности ООН передал в МУС ситуацию в Дарфуре (Судан), не участвующем в указанном договоре.

Кто финансирует деятельность Суда? Поскольку МУС является самостоятельным органом по отношению к ООН, его расходы покрываются за счет начисленных взносов государств-участников и добровольных взносов правительств, международных организаций, физических лиц, корпораций и других образований. В особых случаях средства могут выделяться ООН, когда это связано с расходами, понесенными из-за передачи “ситуации” Суду Советом Безопасности. Взносы государств-участников начисляются на основе шкалы, утвержденной ООН для ее регулярного бюджета; кроме того, любое государство может по своему желанию добровольно выделить дополнительные средства.

В настоящее время Римский статут ратифицировали 108 государств; 39 государств, включая Россию, подписали, но не ратифицировали его. Категорически отказались участвовать в деятельности данного суда такие крупнейшие страны, как Китай, Индия, США, а также Израиль. Из стран СНГ его ратифицировали только Грузия и Таджикистан. Из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН три государства (США, Китай и Россия) не являются участниками данного договора.

В последние годы в нашей стране проходит “Информационная и ратификационная кампания о деятельности Международного уголовного суда в России, Турции и странах Центральной Азии”, осуществляемая при поддержке Европейского Союза, а также при активном участии международных экспертов, в том числе, судей данного суда. В рамках этой программы в 2006 – 2008 гг. в Москве прошло несколько международных конференций, организованных в крупнейших учебных и научных учреждениях страны, включая МГУ им. М.В. Ломоносова, Российскую правовую академию Министерства юстиции РФ, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ и Институт права и публичной политики².

Результаты дискуссий по проблеме ратификации Статута МУС, участником которых была и автор данной статьи, выявили наличие серьезных противоречий во взглядах на идею о практической необходимости и правовой возможности ратификации Статута МУС в нашей стране. Поскольку данная проблема не утратила своей актуальности, на наш взгляд, следует осуществить критический анализ этого документа, прежде всего тех его положений, которые могут служить правовым препятствием для ратификации Статута.

Представляется, что проблема правовых препятствий для ратификации Статута носит многоаспектный характер и включает конституционно-правовые, международно-правовые, уголовно-правовые, криминологические и лингвистические аспекты. Рассмотрим их более подробно.

1. Конституционно-правовые аспекты. К числу конституционно-правовых факторов, которые могут выступать серьезным препятствием для ратификации Статута МУС, относятся противоречия, существующие между отдельными положениями данного документа и рядом статей Конституции РФ. Для адекватной оценки перспектив имплементации положений Статута следует учитывать пределы имплементации норм международного права, установленные Конституцией РФ. Принцип верховенства, закрепленный в ч. 1 ст. 15 Конституции РФ, ограничивает имплементацию норм международного права одним важным условием – необходимостью соответствия нормам Конституции РФ. Поэтому нормы международного права, противоречащие Конституции РФ, имплементации не подлежат. Это следует также из п. 6 ст. 125 Конституции РФ, согласно которому “не соответствующие Конституции Российской Федерации международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению”.

² См.: Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / Под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М., 2008; Трикоз Е.Н. Перспективы присоединения Российской Федерации к Римскому статуту Международного уголовного суда // Журнал рос. права. 2007. № 12.

Между тем ряд положений Статута МУС противоречат нормам Конституции РФ, включая: 1) передачу лиц суду (ст. 89), что противоречит ст. 61 Конституции РФ, гарантирующей, что «гражданин Российской Федерации не может быть выслан за пределы Российской Федерации или выдан другому государству»; 2) недопустимость ссылки на должностное положение (ст. 27), предполагающую применение Статута к главам государств и правительств, членам правительства и парламента, что противоречит ст. 91 и 98 Конституции РФ, гарантирующим неприкосновенность Президента РФ, членов Совета Федерации и Государственной Думы; 3) исключения из принципа *“ne bis in idem”* (запрет судить дважды за одно и то же) (ч. 3 ст. 20), противоречащие ст. 50 Конституции РФ, не предусматривающей каких-либо исключений из данного принципа³. Рассмотрим данные обстоятельства подробнее.

1) В основе деятельности МУС лежит ряд важных принципов, направленных на обеспечение его деятельности, включая, в частности, механизм передачи лиц, подозреваемых в совершении указанных в статуте преступлений, в руки международного правосудия. Так, ст. 89 Статута, озаглавленная «Передача лиц Суду», предполагает, что «Суд может препроводить просьбу об аресте и передаче лица вместе с подкрепляющими эту просьбу материалами, указанными в статье 91, любому государству, на территории которого может находиться это лицо, и обращается к этому государству с просьбой о сотрудничестве в производстве ареста и передаче такого лица. Государства-участники в соответствии с положениями настоящей части и процедурой, предусмотренной их национальным законодательством, выполняют просьбы о производстве ареста и передаче».

Однако в настоящее время в российском законодательстве отсутствуют нормы, предусматривающие передачу граждан страны какой-либо международной организации или другому государству. Такой факт объясняется наличием конституционного запрета на высылку граждан нашей страны за пределы Российской Федерации или их выдачу другому государству. Данная конституционная норма отражает важный принцип гражданства Российской Федерации, который состоит в том, что Российская Федерация обеспечивает своим гражданам права и свободы, гарантированные в Конституции, а также защиту и покровительство за ее пределами. Этот принцип закреплен в Конституции РФ (ст. 61) и в Федеральном законе «О гражданстве Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. В этом принципе выражаются ответственность гражданина перед своим государством, необходимость обеспечения при-

нятых в государстве гарантий защиты его прав и интересов в уголовном процессе⁴.

Сопоставляя нормы Конституции РФ и положения Статута о передаче лиц Суду, следует обратить внимание на то, что в Статуте речь идет именно о передаче (*surrender*), а не о выдаче (*extradition*) как особом институте международного права, регулирующем сотрудничество государств в борьбе с преступностью. Как считают исследователи: «Применение специфической терминологии в Статуте (“передача”) имело не только терминологический, но и более фундаментальный, содержательный смысл и использовалось как для обозначения одной из наиболее важных форм сотрудничества с МУС, так и для разграничения процедур выдачи и передачи обвиняемых»⁵.

Статья 102 Статута «Употребление терминов» разграничивает данные понятия, понимая под передачей доставку лица государством в Суд в соответствии с настоящим Статутом, а под выдачей – доставку лица одним государством в другое государство в соответствии с положениями международного договора, конвенции или национального законодательства. Однако следует иметь в виду, что действующее международное право, в частности, Европейская конвенция о выдаче 1957 г. и Конвенция о передаче осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданами которого они являются 1978 г., используют указанные выше правовые термины в ином значении.

Так, в Европейской конвенции 1957 г. термин «выдача» употребляется для обозначения процедуры передачи лиц в целях осуществления уголовного судопроизводства или приведения в исполнение приговора. Обращает на себя внимание тот факт, что в английском тексте данной конвенции, в ст. 1, устанавливающей обязательства государств по выдаче запрашиваемых лиц, используется глагол «передавать» (*to surrender*)⁶, который на русский язык почему-то переведен как «выдавать». Полагаем, что данная лингвистическая ошибка, коих, к сожалению, допускается немало при переводе международных актов, имеет важное значение, поскольку способствует ошибочному восприятию института выдачи, представляющему ничто иное, как акт передачи лица одним государством (запрашиваемым) другому (запрашивающему). Очевидно, что выдача – это тоже передача, поскольку выдать гражданина другому государству иным путем, кроме передачи, не представляется возможным.

⁴ См.: Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. Учебник. М., 2003. С. 213.

⁵ Сафаров Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики. М., 2005. С. 14.

⁶ См.: European Convention on Extradition // Информационная база справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»: международные правовые акты.

³ См.: Подишьякин А.С. Международный уголовный суд и проблемы национального законодательства // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. № 1.

Следовательно, никакой принципиальной разницы между институтом выдачи в его европейском понимании и процедурой передачи по смыслу Статута МУС нет: и в том, и в другом случае речь идет об удалении лица с территории запрашиваемого государства. Разница лишь в том, что в первом случае он передается иностранному государству, а во втором – Международному суду. Цель передачи лица в МУС – привлечение к уголовной ответственности, что составляет основное содержание института выдачи. Следовательно, процедура передачи лиц Суду должна подлежать тем же ограничениям, что и институт выдачи, включая возможность отказа в выдаче (передаче) граждан страны.

Если же признать, что такой критерий как “пункт назначения” является достаточным для разграничения процедур выдачи и передачи, и, вследствие этого, гражданин России может быть передан в МУС (поскольку это не выдача), следует обратить внимание на конституционное положение, согласно которому “гражданин Российской Федерации не может быть выслан за пределы Российской Федерации”. Учитывая, что МУС находится в Гааге (Королевство Нидерландов), представляется весьма затруднительным передать гражданина данному Суду, не высылая его за пределы государства. Значит, никакая “доставка” гражданина страны в МУС невозможна, поскольку это противоречит Конституции РФ и закреплённому в ней правовому статусу гражданина России.

2) Согласно нормам Конституции Президент РФ, члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы, а также судьи обладают неприкосновенностью. Особый правовой статус не освобождает данных лиц от уголовной ответственности, но означает, что они могут быть привлечены к ней в особом порядке, определяемом федеральным законом. Статут МУС в ст. 27 “Недопустимость ссылки на должностное положение”, закрепляет в качестве общего принципа положение, согласно которому: “1. Настоящий Статут применяется в равной мере ко всем лицам, без какого бы то ни было различия на основе должностного положения. В частности, должностное положение как главы государства или правительства, члена правительства или парламента, избранного представителя или должностного лица правительства ни в коем случае не освобождает лицо от уголовной ответственности согласно настоящему Статуту и не является само по себе основанием для смягчения приговора”.

Однако в настоящее время в международном праве однозначно установлено, что лица, занимающие высокие должности в государстве: главы государств, правительств, министры иностранных дел, – пользуются в других государствах иммунитетом от гражданской и уголовной юрисдикции. Предоставление иммунитета этим высокопостав-

ленным должностным лицам направлено на обеспечение эффективного осуществления государственных функций и базируется на принципе суверенного равенства государств и принципе невмешательства во внутренние дела. Таким образом, положения Статута, отрицающие иммунитет от уголовной юрисдикции у высших должностных лиц, противоречат нормам Конституции РФ и международному праву.

Правовое значение отрицания иммунитета высших должностных лиц состоит в том, что данные нормы Статута МУС (в случае его ратификации) позволяют привлечь к уголовной ответственности в Международном уголовном суде Президента РФ, Председателя Правительства РФ, министров, депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации. Причем все они могут оказаться на скамье подсудимых в МУС в результате выдачи ордеров на арест в рамках расследования одного уголовного дела, например, о геноциде грузинского народа на территории Южной Осетии в августе 2008 г. Попытки руководства Республикой Грузия обратиться в МУС с иском против России свидетельствуют о реальности данной угрозы⁷.

3) Принцип “*ne bis in idem*” (недопустимость повторного осуждения лица за одно и то же) является одним из основных принципов конституционного права государств континентальной правовой системы, а также системы общего права, где он получил название *double jeopardy* (недопустимость двойной угрозы наказания). Конституционное, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство государств отводят принципу *ne bis in idem* важное место в системе прав и свобод человека и гражданина. Суть данного принципа заключается в том, что он защищает гражданина от повторного уголовного преследования и многократного наказания за одно и то же преступление.

В соответствии с ч. 1 ст. 50 Конституции РФ “никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление”. Вынесение приговора означает, что в связи с конкретным преступным деянием осуществление конкретных следственных и судебных действий завершено и вынесено окончательное решение. В таком случае повторное рассмотрение дела и вынесение наказания за то же самое преступление нарушает права человека в сфере уголовного судопроизводства.

Следовательно, положения ч. 3 ст. 20 Статута МУС, устанавливающие исключения из принципа “*ne bis in idem*”, противоречат нормам Конституции РФ и являются неприемлемыми. В то же время смысл и содержание этих исключений заслуживают особого рассмотрения. Согласно ч. 3 ст. 20. Статута: “Никакое лицо, которое было судимо

⁷ Международный уголовный суд официально подтвердил обращение Грузии с иском против России // http://www.newscom/world/13aug2008/isk_georgia_print.html

другим судом за деяние, запрещенное также по смыслу статьями 6, 7 и 8, не может быть судимо за то же деяние, за исключением случаев, когда разбирательство в другом суде:

а) предназначалось для того, чтобы оградить соответствующее лицо от уголовной ответственности за преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда; или

б) по иным признакам не было проведено независимо или беспристрастно в соответствии с нормами надлежащей законной процедуры, признанными международным правом, и проводилось таким образом, что в соответствующих обстоятельствах не отвечало цели предать соответствующее лицо правосудию”.

Данные положения отличаются крайней неопределенностью используемых терминов, носящих оценочный характер, что вряд ли можно признать приемлемым для правового акта, регулирующего полномочия судебного органа. Подобные положения расширяют судебское усмотрение членов данного Суда до неограниченных пределов, предоставляя им право выносить суждения о цели и принципах деятельности национальных судебных органов, не устанавливая критериев и оснований для таких оценок. Широкое судебское усмотрение не характерно для европейских стран, принадлежащих к континентальной системе права, и является явным свидетельством американского влияния в процессе создания данного Статута. Учитывая, что МУС находится в Гааге, трудно представить, как судьям данного суда удастся оценить качество правосудия в других странах, находящихся за тысячи километров от столицы Нидерландов.

Таким образом, предусмотренный Конституцией РФ и международными договорами о правах человека принцип *“ne bis in idem”* является важной гарантией законности и справедливости уголовного судопроизводства, которая не может подвергаться ограничениям, в том числе тем, что предусмотрено в Статуте.

2. Международно-правовые аспекты. Как было отмечено выше, ряд положений Статута МУС противоречат нормам международного права, включая нормы об иммунитете высших должностных лиц от иностранной уголовной юрисдикции. Вопрос о привилегиях и иммунитетах в международном уголовном праве является одним из наиболее актуальных и острых, а попытки его решения в одностороннем порядке и силовым путем приводят порой к серьезным осложнениям в международных отношениях. Поэтому данный вопрос заслуживает более внимательного рассмотрения, особенно в связи с новыми правовыми актами и решениями Международного суда ООН, вступившими в силу уже после принятия Статута МУС.

14 февраля 2002 г. Международный суд ООН в решении по делу “Об ордере на арест от 11 апреля 2000 года” (Демократическая Республика Конго против Бельгии) поставил точку в споре о том, вправе ли государство осуществлять уголовное преследование действующего официального лица другого государства, пользующегося иммунитетом по международному праву. Изучив практику различных государств, международные документы, создающие международные уголовные суды, решения Нюрнбергского и Токийского международных военных трибуналов и Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии, Суд не установил существования в международном праве каких-либо исключений из иммунитета от уголовной юрисдикции и неприкосновенности действующих глав государств, правительств и министров иностранных дел, подозреваемых в совершении тяжких преступлений по международному праву.

Как отмечают российские исследователи, “необходимо четко отличать компетенцию национальных судов и иммунитет от юрисдикции: подсудность какого-либо вопроса национальному суду не означает отсутствие иммунитета и наоборот. Если международный договор, направленный на предупреждение и наказание некоторых тяжких преступлений обязал государство преследовать или выдать виновных, то государство обязано расширить свою юрисдикцию, но это никак не ограничивает иммунитеты, предоставленные международным обычным правом, в частности, министрам иностранных дел. Эти иммунитеты действуют также по отношению к судам других государств, даже если в силу международного договора эти суды в принципе вправе рассматривать соответствующие дела”⁸.

Обращает на себя внимание также следующий факт: провозглашая принцип иррелевантности иммунитетов, Статут, в то же время, предоставляет судьям МУС широкий иммунитет от уголовной юрисдикции любого государства и органа. Так, согласно ч. 2 ст. 48 Статута “Судьи, прокурор, заместители прокурора и секретарь пользуются, когда они участвуют в деятельности Суда или в отношении такой деятельности, теми же привилегиями и иммунитетами, которые предоставляются главам дипломатических представительств; судебно-процессуальный иммунитет любого рода в отношении всего сказанного, написанного ими и действий, совершенных ими в официальном качестве, продолжает предоставляться им и после истечения срока их полномочий”. Кроме того, в 2002 г. странами-участниками Статута было принято специальное Соглашение о привилегиях и иммунитетах Международного уголовного суда, подробно регулирую-

⁸ Рачков И.В. Решение Международного суда ООН: иммунитет и всеобщая подсудность // Международное публичное и частное право. 2006. № 4.

щее особенности правового статуса его судей и персонала.

В результате на сегодняшний день судьи МУС обладают самым широким иммунитетом от уголовной юрисдикции, включая иммунитет *ratione personae* (во время нахождения в должности) и иммунитет *ratione materiae* (во время пребывания в отставке). С учетом положений ст. 27 Статута, это означает, что судьи МУС обладают большим иммунитетом, чем главы государств и правительств, что вряд ли можно признать правильным.

Анализируя международно-правовые аспекты, связанные с ратификацией Статута МУС, следует учитывать также возможность возникновения коллизии международно-правовых актов, в результате чего нормы ранее принятых международных договоров могут войти в противоречие с положениями данного документа. В первую очередь этот касается документов, содержащих общепризнанные принципы и нормы международного права о правах человека в сфере уголовного судопроизводства, в том числе уже упоминавшийся запрет судить дважды за одно и то же. С учетом важности этого вопроса необходимо еще раз вернуться к его анализу, теперь уже с точки зрения его международно-правового значения.

Согласно п. 7 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах “никто не должен быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом каждой страны”. СССР ратифицировал Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. еще в 1973 г., и поскольку Россия является государством-продолжателем СССР, наша страна связана обязательствами, вытекающими из участия в данном пакте, в частности, необходимостью соблюдать принцип “*ne bis in idem*” без каких-либо ограничений. Очевидно, что ратификация Статута МУС породит коллизию международно-правовых актов, которая вряд ли может быть разрешима в пользу Статута МУС: Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. обладает большей юридической силой и авторитетом, поскольку принят Организацией Объединенных Наций от имени всего мирового сообщества, а Статут МУС является многосторонним международным договором группы государств.

К сожалению, в российской юридической литературе принципу “*ne bis in idem*” либо вообще не уделяется внимание, либо он толкуется неверно, без учета его международно-правовой регламентации, что вряд ли можно считать оправданным, особенно в свете конституционной доктрины о приоритете правил международного договора. Такое отношение к указанному принципу обусловлено прежде всего не критическим отношением к со-

держанию самого Статута, авторы которого не включили данную норму в ч. 3 Статута, озаглавленную “Общие принципы уголовного права”, поместив ее в ч. 2. “Юрисдикция, приемлемость и применимое право”. Исключение авторами Статута принципа “*ne bis in idem*” из числа общих принципов уголовного права противоречит, как показано выше, положениям ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. и их общепризнанному значению как системы международных гарантий прав человека в сфере уголовного судопроизводства.

В ряде случаев оправдание ограничений прав человека в уголовном процессе, установленных Статутом, основывается на неверном толковании положений данного акта, не учитывающем принципы международного права, имеющие приоритетное значение. Так, например, некоторые российские юристы полагают, что повторное предание суду “юридически допустимо, так как основанием для повторного осуждения является факт неосуждения лица национальным судом за предположительно совершенное им преступление”⁹. Утверждается также, что рассматриваемый принцип подразумевает не невозможность повторного предания суду, а невозможность факта повторного осуждения лица за одно и то же преступление.

С такой трактовкой принципа “*ne bis in idem*” нельзя согласиться, поскольку по смыслу Международного пакта о гражданских и политических правах, судимым (не путать с судимостью!) считается лицо, представшее перед судом, в отношении которого вынесен обвинительный, либо оправдательный приговор, вступивший в законную силу. Оправдательный приговор, так же, как и постановление судьи о прекращении уголовного дела, вынесенные на законных основаниях и вступившие в законную силу, не могут *ipso facto* являться основанием для повторного привлечения к уголовной ответственности и вынесения приговора по тому же обвинению. Это противоречит гарантиям прав человека на справедливое судебное разбирательство. Подозревать же в каждом случае прекращения уголовного дела или вынесения оправдательного приговора намерение суда “оградить лицо от ответственности” – значит выражать недоверие национальным судебным органам и насаждать обвинительный, репрессивный уклон в деятельности суда, в том числе Международного.

Основываясь на принципах международного права, в том числе, устанавливающих отношения между государствами, закрепленных в Уставе ООН и других международных актах, попробуем проанализировать положения статута, определяю-

⁹ Кибальник А.Г. Современное международное уголовное право: понятие, задачи и принципы. СПб., 2003. С. 117.

щие взаимоотношения МУС и национальных судебных инстанций.

В преамбуле Статута говорится, что Международный уголовный суд “дополняет национальные органы уголовной юстиции”. Тем самым в данном документе сформулирован новый принцип международной уголовной юстиции, получивший название принципа комплементарности¹⁰, согласно которому юрисдикция МУС носит дополнительный характер по отношению к национальным судам, что означает осуществление им своих полномочий в ограниченных пределах, а именно, в тех случаях, когда по тексту статута “государство не желает или не способно вести расследование или возбудить уголовное преследование должным образом”. Как же предполагает Суд выявлять “нежелание или неспособность” государства осуществлять правосудие? Согласно ч. 2 ст. 17, “чтобы выявить в каком-либо конкретном деле нежелание, Суд, принимая во внимание принципы уголовного процесса, признанные международным правом, учитывает наличие, если это применимо, одного или нескольких следующих факторов:

а) судебное разбирательство было проведено или проводится либо национальное решение было вынесено с целью оградить соответствующее лицо от уголовной ответственности за преступления, подпадающие под юрисдикцию настоящего Суда, о которых говорится в ст. 5;

б) имела место необоснованная задержка с проведением судебного разбирательства, которая в сложившихся обстоятельствах несовместима с намерением предать соответствующее лицо правосудию;

в) судебное разбирательство не проводилось или не проводится независимо и беспристрастно и порядком, в котором оно проводилось или проводится, в сложившихся обстоятельствах является несовместимым с намерением предать соответствующее лицо правосудию”.

Согласно ч. 3 ст. 17 “чтобы выявить в каком-либо конкретном деле неспособность, Суд учитывает, в состоянии ли данное государство, в связи с полным либо существенным развалом или отсутствием своей национальной судебной системы, получить в свое распоряжение обвиняемого либо необходимые доказательства и свидетельские показания или же оно не в состоянии осуществлять судебное разбирательство еще по каким-либо причинам”.

Очевидно, что данные положения Статута создают предпосылки для вынесения судом субъективных, в том числе политизированных оценок эффективности национальной системы правосудия, а также

всего государства, его способности осуществлять судебную власть на собственной территории. Полагая, что вынесение оценок государству и его судебной системе можно расценивать как вмешательство во внутренние дела государства, что противоречит принципам международных отношений. Также не отвечает принципу уважения государственного суверенитета установленная Статутом возможность изъятия уголовных дел из юрисдикции национальных судебных органов, обладающих всей полнотой судебной власти на территории государства. Поскольку решение вопроса о повторном судебном разбирательстве по уголовным делам, окончательно рассмотренным национальными судами, целиком и полностью находится на усмотрении судей МУС, это заставляет усомниться в его “комплементарности”. Фактически юрисдикция МУС является не дополнительной, а приоритетной по отношению к юрисдикции национальных судов и носит наднациональный характер.

Вместе с тем полагаем, что для оккупированных государств, утративших полностью или частично свой суверенитет, или развивающихся африканских стран, находящихся в условиях длительного междоусобного конфликта, МУС может явиться реальной альтернативой недееспособной национальной судебной системе. Для государств, имеющих развитую и стабильно функционирующую судебную систему, создание еще одной “наднациональной” инстанции представляется излишним.

Однако следует иметь в виду, что создание МУС не решает основного вопроса современного международного уголовного права: а кто же будет судить самих оккупантов как за сам факт оккупации (агрессии), так и за совершаемые во время нее международные преступления? И пока МУС отказывается принимать заявления, подготовленные квалифицированными юристами, о привлечении к уголовной ответственности представителей “цивилизованных” государств, совершающих тяжкие преступления на территории Ирака, значение данного суда как органа универсальной международной юстиции представляется весьма сомнительным.

3. Уголовно-правовые аспекты. По сравнению с многочисленными конституционно-правовыми и международно-правовыми проблемами, возникающими в связи с обсуждением вопроса о ратификации Статута МУС, в сфере уголовного права практически отсутствуют особые препятствия для его ратификации. Имеющиеся противоречия положений Уголовного кодекса Российской Федерации и норм Статута носят, как правило, производный характер и обусловлены их конституционно-правовой природой. Так, УК РФ закрепляет принцип *ne bis in idem* (ч. 2 ст. 6), а также содержит запрет выдачи граждан страны, совершивших преступление на территории иностранного государства (ч. 1 ст. 13). Что касается сформулированных в Статуте призна-

¹⁰См.: Грицаев С.А. Концепция дополнительной юрисдикции Международного уголовного суда по отношению к национальным системам уголовной юстиции // Гос. и право. 2007. № 11; Каюмова А.Р. Принцип комплементарности в системе принципов уголовной юрисдикции // Гос. и право. 2008. № 1.

ков составов нескольких десятков преступлений (только военных преступлений насчитывается около 50!) и отсутствия многих из них в УК РФ, это обстоятельство, на наш взгляд, не может служить препятствием для ратификации анализируемого документа. Точно также не могут помешать его ратификации имеющиеся расхождения в регулировании иных уголовно-правовых проблем, включая неприменение сроков давности, распространение пожизненного и 30-летнего лишения свободы, возраст уголовной ответственности, наказуемость за бездействие гражданских начальников и военных командиров, а также некоторые иные вопросы.

Данный факт объясняется особенностями предмета регулирования Статута: в отличие от большинства международных договоров, действующих в сфере борьбы с преступностью, этот акт не возлагает на государства прямую обязанность установить уголовную ответственность за указанные в нем преступления или иным образом привести национальное законодательство в соответствие с положениями статута.

Предмет Статута – юрисдикция МУС, с которой государствам предлагается согласиться, признав полномочия данного органа по привлечению к ответственности за “самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность международного сообщества”. Однако следует иметь в виду, что нормы международного уголовного права, регулирующие ответственность за наиболее тяжкие деяния, уже инкорпорированы в российское уголовное законодательство и сосредоточены в гл. 34 УК РФ (ст. 353–360) “Преступления против мира и безопасности человечества”. В число таких преступлений входят: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны; публичные призывы к развязыванию агрессивной войны; разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения; применение запрещенных средств и методов ведения войны; геноцид; экоцид; наемничество; нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой.

В то же время согласно ч. 2 ст. 1 УК РФ Уголовный кодекс “основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права”, что дает возможность рассматривать Статут МУС как источник для совершенствования норм УК РФ путем включения в него ряда новых составов преступлений. Однако это не означает признания юрисдикции МУС в отношении преступлений, совершенных на территории России или за ее пределами, но против ее интересов.

4. Криминологические аспекты. Криминологические факторы, действующие в сфере международных преступлений, связаны с характером и масштабами таких деяний. Именно эти факторы явля-

ются основаниями расширения международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства по делам о преступлениях, представляющих угрозу для всего мирового сообщества. Согласно данным статистики, в 2001–2007 гг. в Российской Федерации в год регистрировалось не более 1–2 преступлений против мира и безопасности человечества. Этот факт свидетельствует об отсутствии практической необходимости участия МУС в процессе привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении указанных преступлений на территории нашей страны. Решение данной задачи вполне по силам национальным судебным органам.

5. Лингвистический аспект. Рассматривая проблему ратификации Статута МУС, следует обратить внимание на такой важный и специфический аспект этой проблемы, как лингвистическое и смысловое тождество русского и английского текстов данного документа, поскольку на русский язык он переводился именно с этого языка. В целях однозначного понимания заложенных в нем норм всеми участниками данного договора и иными, пока еще сомневающимися в необходимости его ратификации членами мирового сообщества, следовало бы также, осуществить сравнительный перевод названного документа с иных языков, например, французского и испанского, тексты которых также признаются аутентичными. Известно, что толкование отдельных правовых терминов в различных правовых системах может весьма заметно различаться, что отражается на тексте международных актов.

Статья 128 Статута “Аутентичные тексты” утверждает, что тексты Статута “на английском, арабском, испанском, китайском, русском и французском языках являются равно аутентичными”. Однако сравнение некоторых положений данного документа на английском и русском языках позволяет в этом усомниться. В ряде случаев обоснованно утверждать, что в русском тексте Статута допущены столь существенные и грубые ошибки в переводе, которые не позволяют считать текст этого документа аутентичным его подлиннику. Учитывая международно-правовое значение данного документа, подобные ошибки следует отнести к категории *лингвистических ошибок с тяжкими последствиями*, которые могут самым неблагоприятным образом отразиться на взаимоотношениях органов международной и национальной уголовной юстиции, а в случае ратификации этого документа на судьбах многих наших граждан, которым, возможно, предстоит оказаться на скамье подсудимых в Международном уголовном суде.

Так, например, в русском тексте Статута, в ч. 1 ст. 18, определяющей порядок вынесения предварительных постановлений, касающихся приемлемости дела для рассмотрения в МУС, содержится

положение, о том, что, направляя уведомление государствам-участникам о начале расследования, прокурор в целях защиты лиц, предотвращения уничтожения доказательств или для того, чтобы помешать скрыться лицам, “может ограничить объем информации, предоставляемой государством”. Между тем, в английском тексте статута утверждается, что прокурор “may limit the scope of the information provided to States”¹¹, что следовало перевести как “может ограничить объем информации, предоставляемой государством”.

Казалось бы, ошибка в одной букве (вполне возможно, техническая), однако в результате оказался заметно искажен смысл одного из важнейших положений Статута. Полагаем, что именно это положение является правовой базой для так называемых секретных обвинительных заключений, содержание которых не сообщается ни обвиняемым, ни их адвокатам, получивших широкое распространение, в частности, в практике Международного трибунала по бывшей Югославии. Такая практика грубо нарушает общепризнанные права человека в сфере уголовного судопроизводства, что осуждается международной общественностью, а также российскими учеными и общественными деятелями, в том числе принимавшими участие в слушаниях по делу С. Милошевича¹². В настоящее время в Статуте МУС предпринята попытка узаконить подобную практику путем включения в него указанного выше положения, которое, как выясняется, было существенно искажено при переводе данного документа на русский язык и потому выпало из поля зрения российских исследователей.

¹¹Rome Statute of the International Criminal Court // Информационная база справочно-правовой системы “Консультант-Плюс: международные правовые акты”.

¹²См.: Рыжков Н.И., Примаков Е.М., Ивашов Л.Г., Маркович М., Михайлович К., Теткин В.Н., Мезяев А.Б. Говорят свидетели защиты. Суд над Слободаном Милошевичем / Под ред. Н.И. Рыжкова и В.Н. Теткина М., 2003; Мезяев А. Процесс против Слободана Милошевича в Гаагском трибунале. Записки из зала суда. Книга первая. Обвинительная часть. Казань, 2006.

Приведенный пример ошибок в переводе Статута МУС не является результатом сплошного сопоставления русского и английского текстов данного документа, что позволяет предположить, что при осуществлении такого сравнения могут быть обнаружены и иные, не менее значимые дефекты перевода, способные воспрепятствовать адекватной оценке данного документа, уяснению механизма деятельности МУС и его роли в системе мер установления глобального миропорядка. Независимо от личных взглядов исследователей на проблему глобального права и глобальной юстиции наличие подобных лингвистических ошибок, несомненно, должно играть роль сдерживающего фактора при оценке правовой значимости и перспектив ратификации данного документа в нашей стране.

В связи с изложенным полагаем, что составить адекватное представление о механизме деятельности МУС в настоящее время представляется весьма затруднительным. Очевидно, что простого текстуального анализа положений Статута МУС для этого явно недостаточно. Уяснению современного состояния модели международной уголовной юстиции, созданной Статутом МУС, мог бы способствовать анализ практики данного суда по конкретным уголовным делам, однако за четыре года с момента начала своей деятельности в 2005 г. этот судебный орган не вынес ни одного решения, вступившего в законную силу, что дает дополнительный повод сомневаться в его дееспособности.

Таким образом, критический анализ положений Римского статута Международного уголовного суда показал, что существуют многочисленные и труднопреодолимые правовые препятствия, которые не позволяют нашей стране в ближайшее время ратифицировать данный документ. Более того, имеются серьезные и обоснованные сомнения в необходимости участия России в деятельности данного органа международной уголовной юстиции, которая носит наднациональный характер, основана на идеях, противоречащих общепризнанным принципам и нормам международного права, создает угрозу государственному суверенитету, правам и свободам граждан.